

В Диссертационный совет Д 24.2.320.07
на базе ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет», 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию АСЛАНЯНА Руслана Георгиевича «**Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права**», представленную на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. – «Уголовно-правовые науки» (617 машинописных страниц, включая библиографический список из 759 источников на 78 страницах, перечень 52 авторских публикаций на 8 страницах и 2 приложения на 18 страницах; автореферат – 46 страниц)

В огромном массиве претензионных исследований, авторы которых ищут поддержку своим вдохновенным надеждам на присвоение учёных степеней, всегда будут встречаться с симпатией преимущественно те работы, которые повышенно трудны (относятся именно к Общей части юридических отраслей либо покушаются на межотраслевую проблематику), посвящены редким или даже эксклюзивным темам, исполнены неравнодушно, творчески, рискованно. Все эти характеристики можно смело адресовать рецензируемому сочинению. А есть ведь ещё один, сугубо российский довод в подтверждение своевременности и повышенной **злободневности** предмета диссертационного обследования – внимание к структуре или спасительному каркасу уголовно-правовых знаний и решений важно и полезно прежде всего для стран, перманентно испытывающих свою судьбу на революционных качелях, разворачивающих вектор своего развития на 180⁰, решительно отвергающих и проклинаящих собственное прошлое, меняющих испытанный веками национальный домострой на привозную социальную инженерию и потому вынужденных обеспечивать гражданский мир, производственную активность и бытовой комфорт исключительно с помощью юридических средств. Как следствие, озадаченные граждане становятся свидетелями небывалой нормотворческой прыти властей по всему фронту борьбы с преступностью, что не может ни влечь внутри- и межотраслевых пробелов, противоречий, дублирования, рассогласований и прочих упущений законодательства. Как следствие, профессионалы общей и отраслевой юриспруденции осознают пагубность избыточности правовых регламентов и необходимости их грамотного, аккуратного, постепенного вытеснения механизмами общественной саморегуляции, а ещё наведения строгого логического порядка в построении «невидимых» правовых и «наглядных письменных» регламентов.

Для уголовного права, находящегося на задах юридического регулирования и выполняющего преимущественно охранительную роль в общежитии, подвергающегося в силу этого давлению множества внешних детерминант, нужда в жёсткой структуре своего содержания абсолютна. Вот

он и готов – социальный заказ на совершенствование сложившихся представлений об оптимальности построения российского уголовного права (в нашем случае – его Особенной части). Разумеется, в тексте оцениваемой работы приводятся и прочие доводы в пользу её социально-политической актуальности: с акцентацией на том обстоятельстве, что Особенная часть «образует содержательное ядро отрасли и обеспечивает связь уголовного права с криминологическими и иными условиями социальной действительности», что «от внутреннего строения и внешней организации её правовых предписаний» зависят «непротиворечивость и стабильность уголовного законодательства в целом и, как следствие, – эффективность правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, степень реализации общепреventивного и воспитательного потенциалов уголовного права», устойчивое развития отрасли, её оптимальная адаптация к динамично меняющимся социальным и правовым условиям жизнедеятельности общества» (с. 4-5).

Диапазон суждений о допустимости, назначении и видах юридических структур в уголовном праве и его письменном оттиске – законе всегда был весьма широким. В начале XX века нормативный конструктивизм виделся опасной болезнью под названием «пандектитис» или «пандектомания», а вирусоносителями мыслились древнеримские юристы. Однако со временем позиция смягчилась, и структурные решения стали рассматриваться как вполне естественный и допустимый приём правотворчества и теоретических обобщений, с помощью которого предполагалось охватить всё содержание правовых установлений без нарушения его системного единства. Жёсткая структура массива предписаний по борьбе с преступностью кодекса начала оцениваться как средство сохранения самостоятельности отрасли в условиях постоянного, сильного и разнообразного давления нескольких системных сред. Юриспруденция даже вооружилась афоризмом «внутренний порядок стóит внешней безопасности» (Г.Ф. Шершеневич).

Представительская или **вводная** часть рецензируемого труда (обоснование актуальности темы, постановка цели и задач исследования, формулирование объекта и предмета диссертации, подбор методов анализа, объяснение научной новизны и практического значения проделанной работы), позволяющая судить о теоретической оснастке и методологической культуре соискателя ученой степени, практически не вызывает возражений. Она исполнена весьма напористо, доказательно и в то же время просто, т.е. без вычурностей и натужных подтягиваний общих мест якобы в свою пользу.

Ознакомление с сердцевиной или основным содержанием диссертации также убеждает, что избранная Р.Г. Асланяном проблема оказалась ему по плечу. Эта оценка подтверждается: а) фронтом и глубиной анализа проблемы; б) объёмами задействованных источников и оценённых точек зрения; в) умением видеть пока не получившие достойного разрешения в науке и законодательстве узловые вопросы и предлагать вполне приемлемые варианты реагирования на них; г) способностями вести достойную полемику

с признанными авторитетами отрасли; д) качеством и стилистикой выводного знания.

Диссертант достаточно чётко определяет авторскую позицию по решению теоретических и практических проблем, связанных с построением уголовно-правовых предписаний, относящихся к Особенной части отрасли. Теоретическая база диссертации обширна как по перечню источников, так и по кругу поднимаемых и тут же разрешаемых вопросов, что свидетельствует о глубине и фундаментальности изучения проблемы. Это позволило диссертанту сформулировать научно обоснованные предложения и сделать правильные выводы.

Ознакомление с текстом диссертации создаёт впечатление цельного, продуманного, выношенного продукта мыслительной деятельности, созданного по испытанной и потому безукоризненной схеме: постановка стратегической цели и тактических задач – выдержанная логика движения к их разрешению – адекватное выводное знание. Автор безусловно прав в том, что «общая оценка состояния и эффективности уголовно-правового регулирования во многом основывается на характеристике положений именно Особенной части уголовного права», однако «надёжной теоретической основы построения и развития этого компонента отрасли ещё не создано» (с. 6-7), что и образует генеральный мотив его изыскания.

Рецензируемое исследование можно признать имеющим свойство **научной новизны**, поскольку до настоящего времени не было обособленного комплексного анализа проблем компактной стройности Особенной части уголовного права целиком, хотя по отдельности вопросы границ уголовно-правовой охраны в целом, сравнительной ценности и дифференцированной защиты отдельных сфер общественной жизни, квалификации двухобъектных составов, соотношения общих и частных правил реагирования на преступления *ets*, привлекали и привлекают результативное внимание отечественных криминалистов.

В диссертации Р.Г. Асаняна представлены результаты, обладающие как научной новизной, так и имеющие практическую значимость, а именно:

- уточнены и конкретизированы направления, предмет, источники и хронология историко-правового анализа Особенной части отечественного уголовного права;

- представлена авторская периодизация истории формирования и развития Особенной части, учитывающей в качестве критериев одновременно и основные этапы истории государства, и специфику выражения уголовно-правовых предписаний Особенной части в структуре уголовного закона;

- установлены основные направления и закономерности развития Особенной части уголовного права, отражающие динамику источников (форм) права, содержание законов и принципы их построения;

- обобщены итоги самых значимых теоретических дискуссий о существовании, строении и значении Особенной части уголовного права;

- модернизировано и конкретизировано для целей познания Особенной части уголовного права учение об источниках права в русле их уровневой систематизации;
- разработаны понятие и система форм выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний;
- проведены анализ и систематизация источников установления, конкретизации и толкования уголовно-правовых предписаний;
- усовершенствованы методологические основы понимания уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания, механизмов их образования и применения;
- заявлены аргументы в пользу необходимости систематизации уголовного права исключительно на основе концепта «нормативное предписание»;
- уточнены содержание и структура, предложена авторская классификация нормативных предписаний Особенной части уголовного права;
- выявлены закономерности формирования нетипичных нормативных предписаний Особенной части уголовного права;
- усовершенствованы теоретические представления об институте Особенной части уголовного права как системе нормативных предписаний и правовых принципов, адекватных юридической конструкции уголовно-правовой охраны;
- аргументирована перспектива признания институтом Особенной части уголовного права предписаний и принципов, охватывающих своим содержанием положения уголовного и административно-деликтного законодательства;
- представлена классификация институтов Особенной части на охранительные и функциональные, основанная на функциональных характеристиках отрасли, степени нормативного обобщения и предметной градации институтов;
- определены критерии обособления субинститутов в рамках отдельных охранительных институтов Особенной части уголовного права;
- к анализу системы Особенной части уголовного права в качестве неотъемлемой части системы социального управления применен холистский подход;
- обоснована необходимость инструментального подхода к исследованию проблем взаимосвязи Общей и Особенной части отрасли;
- современное состояние асистемности Особенной части уголовного права оценено как свидетельство неадекватности конструкций основания и пределов наказуемости потребностям противодействия преступности;
- установлены и охарактеризованы связи между актуальными направлениями уголовной политики и систематизацией нормативных предписаний в Особенной части уголовного права.

Структурная композиция работы: основы историко-правового анализа системы Особенной части уголовного права и фактический генезис её построения (глава I) – источники формирования и выражения Особенной части российского уголовного права (глава II) – понятие, содержание структура и виды нормативных предписаний как исходных структурных элементов Особенной части российского уголовного права (глава III) – понятие, структура, виды и эволюция институтов Особенной части (глава IV) – система и систематизация Особенной части российского уголовного права (глава V) – нами разделяется и поддерживается. По установившейся традиции защит, подкрепляемой рекомендациями ВАКа, теперь оппонент стоит перед тоскливой и малополезной для полновесной защиты необходимостью пересказа содержания всех глав и параграфов. Позволим не делать этого. Находим более полезным для аттестации проделанной диссертантом работы заменить ожидаемый поглавный и потому дежурный разбор текста строго по его структуре обстоятельным отзывом по наиболее важным позициям, к которым автор возвращается несколько раз, в различных структурных частях своего детища, которые обновляют достигнутый пока порог знаний о тенденциях и логике строения Особенной части уголовного права.

А в порядке компенсации свидетельствуем для членов диссертационного Совета Д 24.2.320.07, что текст рецензируемого труда выстроен в полном соответствии с планом, что содержание каждого параграфа и каждой главы – созвучно заглавиям этих структурных частей, что грубых противоречий между взглядами на общую проблему, изучаемую по выделенным сегментам плана, не обнаружено, что выводное знание, зафиксированное в Заключение и положениях на защиту, действительно вытекает из содержания работы.

Новизна, масштаб и «докторская» титульность работы, а равно уже написанные слова поддержки обязывают нас начать критический отзыв с перечисления многочисленных **достоинств** диссертации Р.Г. Асланяна.

Первое. Очень информативна, полезна и нова для профессионалов отрасли справочная информация, поданная как Приложение № 1 к диссертации (с. 599-612), где в хронологическом порядке представлена всё усложняющаяся структура как нормативных актов по борьбе с преступностью, так и проектов законов (таковых представлено 5), начиная с петровского Артикула воинского 1716 года. Подобные сведения обычно добывают, анализируют и публикуют с собственными комментариями историки, а не теоретики права. Сожалительно лишь, что структурная композиция первого по-настоящему (с позиций современной доктрины) кодифицированного акта по борьбе с преступностью – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (появление Общей части и размещение её на первом месте в структуре закона, построение Особенной части по пандектному методу и т.д.) – представлена в сокращённом виде, только поглавно, а авторская оговорка о том, что иначе было нельзя

поступать, поскольку из-за самой «дробной систематизацией» в отечественной истории на изложение структуры Особенной части Уложения в XIX веке понадобилось целых 14 страниц текста (с. 606), оправданием служить не может именно в силу уникальности случая. Ведь на момент принятия Уложение 1845 года содержало 2 224 статьи (в 1857 году пополнилось еще 80 статьями), 12 разделов, 79 глав и множество отделений и отделов (последние присутствовали только в «Общей части, где их было 13 и 6 соответственно и использовались они факультативно – как компоненты лишь некоторых глав).

Второе. Нельзя ни отметить и ни поддержать большинство положений, вынесенных автором на защиту. Выделим самые важные из них, существенно расширяющие и углубляющие отраслевые знания:

а) мысль, что «базовое противоречие... между полиисточниковым характером отрасли уголовного права и конституционным правилом ограничения прав и свобод исключительно федеральным законом... может быть эффективно разрешено за счёт организации системных связей между уровнями правового регулирования и формами источников права». А последними для Особенной части уголовного права заявлены «правовые акты установления, конкретизации и толкования уголовно-правового предписания об основаниях и пределах ответственности за конкретное преступление» (положение № 4, с. 17);

б) автор фиксирует «тенденцию увеличения в структуре права нетипичных предписаний, что отражает процессы специализации и детализации предписаний общего характера, а равно их приспособления к условиям неопределённости социальной среды» (положение № 9, с. 19);

в) понимание уголовно-правового института Особенной части как «системного образования, включающего в своё содержание нормативные правовые предписания и правовые принципы, объективированные в различных отраслевых источниках уголовного права (в том числе... – в законодательстве об ответственности за административные правонарушения), которые объединены на основе юридической конструкции «уголовно-правовая охрана» (положение № 11 на с. 20);

г) методологически важными нужно признать итоговые суждения, будто «уголовное право (как часть всей системы государственно-правового управления – *Рец.*) обладает признаками субсидиарности и акцессорности, что предполагает возможность конструирования уголовно-правового запрета только после предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений»; «как часть системы охранительного публичного права...» оно «обеспечивает защиту только от тех нарушений, которые требуют самой суровой правовой реакции, что предполагает разграничение уголовного права и административно-деликтного права на основе параметров наказуемости правонарушений»; а как элемент собственно уголовного права «Особенная часть ориентирована на выполнение гарантийной функции, что требует правовой определённости,

актуальности и исчерпывающего перечня нормативно-правовых предписаний» (положение № 14 на с. 22).

Третье. В весьма необычной – полезной для любого читателя, а также дисциплинирующей самого соискателя форме подано Заключение (с. 504-514), в котором многочисленное выводное знание разбито на 7 больших групп: об эволюции Особенной части уголовного права, её социальных и формальных источниках, понятии, содержании, свойствах, классических и нетипичных нормативных предписаниях, институтах и субинститутах, месте Особенной части в системе российского уголовного права и, наконец, о перспективах развития Особенной части нашей отрасли.

Четвёртое. Автором по итогам исследования вводятся в научный оборот множество понятий: а) (внешняя) «форма выражения социальных источников»; б) производится разграничение, с одной стороны, формальных источников установления, а с другой – конкретизации и толкования нормативных предписаний Особенной части отрасли, обосновывается необходимость и варианты их диверсификации; в) на почве сравнения нормативных предписаний их эталонному стандарту предлагается деление их на типичные и нетипичные, при этом первые в логически цельной форме содержат суждение законодателя о преступности и наказуемости деяния, а вторые – раскрывают только один компонент структуры предписаний и выполняют важные функции в обеспечении их системных свойств...

И на Солнце бывают пятна, и архиерей чихает, и на старуху бывает проруха. Любой специалист, берущийся за обсуждение концептуальных устоев юриспруденции, вольно или неосмысленно обрекает себя на критику в поправлении пока кажущимися универсальными представлений, в забвении отдельных теоретических постулатов, в упущенной выгоде и прочих «смертных грехах». Такие претензии предъявлять легко. Ведь частные просчёты и незавершённости заказаны высоким уровнем обследования, могут быть кажущимися для рецензентов, и от них не застрахован самый маститый профессионал. Этими оговорками мы хотели сказать, что масштаб темы и потому судьбоносность диссертации для отрасли как бы предписывают необходимость дискуссии, критики и возражений, сообщают свойство полезности поправкам и замечаниям рецензента в адрес соискателя; члены же специализированного Совета и всё научное сообщество вольны засчитать наши претензии либо за недостаток работы, либо оценить их как своеобразный анонс предстоящим исканиям последователей. Наши претензии, порождённые вышеназванными мотивами и сопровождаемые надеждой на то, что их поступление в Совет послужит для Р.Г. Асланяна дополнительной возможностью по пропаганде своей концепции, правильно будет разделить на две группы:

Замечания, сомнения, недоумения:

1. Оцениваемое сочинение посвящено поиску оптимальной **структуры** (или результата усилий по её построению), а не **системы** Особенной части

уголовного **права**, а не **закона**. Однако в тексте диссертации многократно понятия обеих пар используются почти как синонимы. Ограничим доказательства текстом одного Введения: уже в первом его абзаце неудовлетворённость состоянием «внутреннего строения и внешней организации» нашей отрасли права подтверждается утратой Уголовным кодексом «свойства системно организованного правового документа»; на следующих 2-х страницах (5-6) пять раз встречается словосочетание «система Особенной части» и ни разу «структура Особенной части»; объект диссертационного исследования также ассоциируется с *системой Особенной части российского уголовного права* (с. 7), а предмет – со *строением (структурой) и системой* Особенной части уголовного права (с. 7-8); 1813-1845 гг. оценены как «период обособления Особенной части в *структуре* уголовного права», а 1845-1917 гг. – как «период развития Особенной части в *системе* уголовного права» (положение № 2 на защиту, с. 16); и т.д.

Конечно, такие «вольности» в пользовании терминологией отражают 1) практику отождествления системы права с его структурой в юридическом знании России (прежде – СССР) и 2) объективную трудность познания «нематериального» права по сравнению с его письменной формой (законодательством). Так, несколько крупных дискуссий, отшумевших в отечественном правоведении якобы по проблемам системы советского права (1938-40 гг., 1956-58 гг., 1982 г., 1998 г., 2002-2003 гг.), фактически свелись к уточнению его структурирования, к разработке критериев появления (и самостоятельности) отраслей права, к сравнению структур права и законодательства, к рассмотрению титульности или сравнительной важности отдельных отраслей. Это были, безусловно, очень заметные и полезные для юридического развития страны периоды специализированных умственных натисков на предмет анализа. Но особого приближения к общенаучному, философскому пониманию системы не случилось. Нужно, вслед за проф. С.С. Алексеевым признаться, что термин «система права» по сей день некорректно используется в нашей юридической литературе для обозначения «структуры права», то есть набора его элементов.

Национальной юриспруденцией игнорируется ширящийся в философии взгляд на систему как искусственное образование, как союз объекта и (части) окружающей его среды. В результате дихотомичная пара категорий «система – структура» выполняет важнейшую гносеологическую роль: первая олицетворяет детерминацию объекта (Особенной части уголовного права) воздействием внешней среды и тем объясняет его обновление, а также верифицирует его (всегда) временную цельность, категория же «структура» работает на гомеостазис, в случае превосходства внутренних связей над внешними препятствует разрушению объекта и тем обеспечивает, а не верифицирует его цельность.

Отождествление «права» и «закона» в юридической науке зачастую воспринимается как вынужденное и потому простительное упрощение; ведь содержание такого нематериального духовного продукта, как право сродни

библейской притче «темна вода во облацех» или американской поговорке «ваши догадки также верны, как и мои». А в области уголовного права, стеснённого единственным легальным (письменным) источником преследования и потому более других отраслей юриспруденции расположенного к нормативизму, подобные оправдания объективно «должны» быть распространёнными. Но на творцов докторских диссертаций, покушающихся на ремонт каркаса целых отраслей и пользующихся предельными юридическими понятиями, подобная снисходительность не распространяется.

Наверняка соискатель понимал данное обстоятельство и предпринимал максимально возможные усилия для преодоления преград, которые другими исследователями игнорируются. Мы должны видеть эти попытки, ценить их и поддержать Р.Г. Асланяна, который стремился к предельной научной аккуратности в пользовании парными категориями «право – закон» и «система – структура» посредством: 1) выделения в каждой главе примараграфов, название которых начинается словами «Теоретико-методологические основы» (доктринальная база построения Особенной части уголовного права); 2) формирования широкого поля исследования из пяти глав, в котором выделены разделы об источниках, нормативных предписаниях и институтах Особенной части российского уголовного права; 3) обособленного анализа взаимосвязи Общей и Особенной частей именно уголовного права (§ 2 главы 5); 4) использования 7 видов эмпирических данных, 4 из которых представляют собой правоприменительные позиции и результаты опроса практиков по структуре Особенной части уголовного права, хотя эта аналитика не выделена в качестве обособленной части плана.

2. В правоведческой научной среде последних десятилетий, возможно – из-за поголовного юридического образования и повального остепенения, складывается тенденция именовать (для придания желаемой весомости?) любой предмет авторского увлечения «институтом». В русле этих увлечений Р.Г. Асланян упоминает институты Особенной части уголовного права в рамках предмета и в перечне задач диссертации, а также посвящает им целую главу (IV-ю) своей работы, а дефинирует их как «системное образование, включающее в свое содержание нормативные правовые предписания и правовые принципы, объективированные в различных отраслевых источниках уголовного права., которые объединены на основе юридической конструкции «уголовно-правовая охрана» (положение № 11, с. 20). Можно согласиться с утверждением, что выделение в процессе эволюции уголовного права «*первичных* уголовно-правовых институтов», относящихся к Особенной части, которые «формируются путем обособления уголовно-правовых комплексов от общего массива правовых норм на основе критерия сформированности того социального института, который они призваны защищать», и *вторичных* институтов Общей части, появляющихся «в процессе функционирования уголовного права (уже? – *Рец.*) как социального института путем выделения общих предписаний из массива уголовно-

правовых норм на основе такого критерия, как участок, сторона, компонент собственно уголовно-правового отношения или уголовно-правового метода» (положение № 10 на защиту, с. 20).

Но вот с количеством выделяемых институтов Особенной части, а тем более – с существованием субинститутов и предложенным обоснованием данной «вторичной структуры» отрасли (С.С. Алексеев) примириться сложно. Автор, отталкиваясь от того факта, что коллеги по цеху признают существование институтов Особенной части отрасли, но не изучают их в конкретике, выдвигает на первый план объективное начало. Почвой для них не может служить классификация преступлений законодателем на главы и разделы УК в силу субъективности таковых решений. Отвергается по тому же основанию и «субъективный» объект преступления, которому противопоставляется объект уголовно-правовой охраны, известный другим отраслям юриспруденции и существующий вне зависимости от криминализации (с. 373-377). Что же даёт такой подход? На с. 378 приведён примерный (очень небольшой, охватывающий охрану от посягательств против личности и части экономического уклада) перечень институтов Особенной части уголовного права из 12 видов!

Ситуация с субинститутами (подинститутами – С.А. Елисеев) ещё проблематичнее. Соискатель присоединяется к мнению, будто субинститут является **частью** «основного» (м.б., «первичного» – *Рец.*) института права, образуемого на базе непосредственного объекта, который охраняется одной или несколькими статьями Особенной части уголовного закона (с. 387-388). Однако на с. 395-396 субинститут оказывается **более крупным** структурным образованием, нежели «основной» институт, поскольку в рамках института уголовной ответственности за преступления против собственности (наверное, это не основной, а «базовый» или «настоящий» институт – *Рец.*) предложено выделить субинститут хищений и субинститут уничтожения или повреждения имущества, в институте ответственности за преступления против несовершеннолетних – субинститут ответственности за деяния, связанные со склонением подростков к деструктивным, общественно опасным практикам, в рамках института ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности – субинститут насильственных половых преступлений, и т.д.

Но главное в том, что в результате изложенной логической операции, вопреки объявленным и верным методологическим установкам, очевидна связь выделенных институтов со структурой УК РФ (они должны исчезнуть, если парламент декриминализирует подобные посягательства?). И ещё: почему объективно существующие «правовые блага и интересы», признаваемые таковыми и регулируемые другими отраслями юриспруденции, нужно считать институтами (Особенной части) именно уголовного права?

Понимая выпадение нашей позиции из описанного мейнстрима современной юриспруденции (увлечение отраслевыми институтами),

заявляем для дискуссии два контрдовода: а) в любой трактовке института права он мыслится как ступень обобщения, а потому преимущественным местом их фактического существования и научного размещения служит Общая, а не Особенная часть отрасли. Кстати, отечественные криминалисты предпочитают причислять к институтам Общей части лишь преступление и наказание, которые С.С. Алексеев именовал «*основными институтами*» отрасли или носителями её души; б) вряд ли результаты любой классификационной операции в науке либо криминализации посягательств на сферы общежития законодателем следовало титуловать институтами.

3. Частные положения текста диссертации по ключевым вопросам, выбранные для примера только из Введения, которые оппонент позволит отнести к числу неряшливых, вызваны скорее всего невнимательностью или напряжением автора в силу большого объёма работы: а) (как бы существующие) *общественные отношения, связанные с... перспективами развития системы Особенной части российского уголовного права* (с. 7); б) *нормы... регулятивного законодательства, определяющие предпосылки, основания и пределы уголовной ответственности* (с. 11); в) *разработка и аргументация на основе модернизации методологического потенциала* (с. 13); г) *в X–XVIII веках шло... зарождение Особенной части* (с. 16, 504); д) *базовую структуру системы институтов Особенной части... образуют предметные правоохранительные институты, различающиеся по признаку непосредственного объекта уголовно-правовой охраны* (с. 21); е) *признаки субсидиарности и акцессорности уголовного права предполагают возможность конструирования уголовно-правового запрета только после предварительного позитивного урегулирования поведения граждан в той или иной области социальных отношений* (с. 22) – а как быть с уголовно-правовой охраной общественной нравственности?

Упущенная выгода:

1. Диссертант не включил в поле исследования дополнительный нормативный материал, не свойственный Общей и Особенной частям уголовного права, но синтезирующий их единство и несущий важную управленческую нагрузку в сфере противодействия преступности – *преамбулы, приложения и примечания*. Представляется, что для аттестуемых в режиме защит научных работ, целью которых объявляется «модернизация методологических основ понимания Особенной части уголовного права и на этой основе разработка и обоснование отвечающей современным правовым стандартам эффективной концепции ее внутреннего строения и внешних форм объективизации», игнорирование подобных поправочных коэффициентов не желательно. Тем более, что сам автор: объявляет о существовании «*нетипичных нормативных предписаний* Особенной части уголовного права» (с. 14) и даже пишет о «тенденции увеличения в структуре права нетипичных предписаний, что отражает процессы специализации и

детализации предписаний общего характера, а равно их приспособления к условиям неопределённости социальной среды» (положение №, 9 на защиту, с. 19);, в последнем разделе Заключения ратует за нормативное дефинирование основных понятий и терминов, используемых в уголовном законе, а также за составление чёткого перечня корреспондирующего уголовному закону бланкетного законодательства в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (с. 512-513).

2. Странно, что в поле зрения диссертанта без какой-либо аргументации не попал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года (на момент принятия состоял из 181 статьи, разделённых на 14 глав и 8 отделений), в результате принятия которого Уложение 1845 года «похудело» на четверть и изменило свою структуру (замечание касается и текста диссертации, и справочного материала в Приложении № 1).

3. Поскольку эволюция уголовного законодательства нашей страны связана с изменением и усложнением его структуры, состоятельность композиционных изменений УК можно было бы проверять и с помощью **индекса структурирования** закона, понимая под ним количество статей на одну внутреннюю «перегородку» текста УК (раздел, глава, отделение, отдел, параграф и т.д.). Если взять для анализа только XX век, то тогда явится следующая картина: в Уголовном уложении 1903 г. количество статей на общее число структурных уровней составило 11,08 единиц; в УК 1922 г. – 17,31; в УК 1926 г. – 12,81; в УК 1960 г. – 13,45; в УК 1996 г. – 8,8 единиц. Это свидетельствует об устойчивой тенденции всё более детальной сортировки нормативного материала, о нахождении общих мест там, где их вчера ещё не видели.

4. В работе верно утверждается, будто «стройная и непротиворечивая теория Особенной части уголовного права... создаёт гарантии устойчивого перспективного развития отрасли, её оптимальную адаптацию к динамично меняющимся социальным и правовым условиям жизнедеятельности общества (с. 5). Эта фраза провозглашает наличие диалектического противоречия между «идеальной стабильностью» и «неизбежной изменчивостью» закона/права (В.Н. Кудрявцев), правила разрешения которого автору следовало бы привести, сославшись на первичную публикацию Н.Ф. Кузнецовой и Г.А. Кригера 1976 года, а также более поздние труды Д.О. Балобановой, А.Э. Жалинского, Е.В. Кобзевой, В.Я. Тация и др. учёных.

5. Нацеленность соискателя, судя по названию его труда, на анализ *теоретических* (читай – научных) основ построения уголовного права, а не закона, при опоре и на процессы *правообразования* (социальные источники формирования Особенной части уголовного права – § 2 главы 2), а не только результаты законотворчества, включение в предмет исследования «*пробелов и коллизий*, относящихся к составу и строению Особенной части уголовного права» (с. 8), выявляемых и разрешаемых прежде всего *интерпретационной и коррекционной деятельностью высших судебных инстанций страны*

(эмпирическая база работы – с. 11-12), по логике должны были консолидироваться в «**доктринальные основы**» построения Особенной части уголовного права. Ибо доктрина есть сплав *теории* (консолидированного профессионального знания), *закона* (как письменной формы выражения нематериального права и политики правящего класса), а также *практики его применения* правоохранительной и судебной системами.

В связке теории, закона и правоприменения роль **ответственной** примы принадлежит науке. Такова духовная повинность образованного класса, который имеет возможность и которому положено за счёт населения и для его блага ежедневно и системно размышлять о состоянии и совершенствовании общественной жизни. Законодатель и практик никогда не поднимутся до предельных высот теории, а вот учёный анализирует и прикладные последствия своих расчётов, предсказаний и рекомендаций, а ещё им штурмуются методологические высоты, о существовании которых другие субъекты доктрины даже не подозревают. Тем и так наука проверяет собственную состоятельность, расширяет видимые только ей и только пока горизонты знаний. Этому назначению следует и диссертант.

Конечно, названным упущениям, неясностям и погрешностям Р.Г. Асланян противопоставил множество достоинств своего труда, часть из которых уже отмечена в предыдущей части отзыва. Но есть и иные яркие положительные свойства оцениваемого сочинения. **1.** Вызывает уважение уровень и масштаб представления соискателем достигнутых им результатов до защиты – в форме выступлений на 19 форумах криминалистов России и зарубежья в 7 вузах шести городов. **2.** Основные положения диссертации нашли отражение в 51 научной публикации, в том числе в 4 монографиях, 26 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России, и в 4-х статьях в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования. При этом «разброс» 26 статей в 12 различных по направленности, ведомственной принадлежности и территориальной дислокации ВАКовских журналах на протяжении 9 лет (2015-2023 гг.) свидетельствует о масштабности и многогранности темы, умении соискателя подавать продукт своего творчества и теоретикам, и практикам, исключает даже гипотетическую возможность заподозрить его в намерении сузить круг придирчивых критиков или в пользовании аффилированными связями с собственниками или редакторами печатных изданий. **3.** Литература, использованная при написании диссертации, достаточно полно отражает проблематику поднимаемых в ней вопросов – всего задействовано 759 источников, из которых 493 являются научными публикациями. **4.** Работа написана грамотно, аргументация диссертанта в тексте логична и последовательна. Оформление работы существенных нареканий не вызывает. **5.** Сформулированные автором теоретические выводы, законодательные предложения и практические рекомендации отражают достигнутый уровень знаний в науке уголовного права и служат основой для его качественного развития.

Суммируя заявленные в отзыве достоинства и упущения оцениваемой работы, заявляем, что в целом мы имеем дело с самостоятельным творческим исследованием сложной уголовно-правовой проблемы, удачное разрешение которой предопределяет цельность, методологическую строгость и прикладную полезность отраслевой доктрины на многие годы вперед, что присутствует существенная новизна в постановке темы исследования и разрешении сопутствующих ей проблем, что цель и задачи диссертации выполнены, что по ходу анализа автор показал умение обстоятельно и методически правильно решать поднимаемые вопросы, что итоговые положения и выводы базируются на достаточном теоретическом и эмпирическом материале, что итоги работы прошли надёжную и своевременную апробацию с тем, чтобы профессиональное сообщество криминалистов смогло заблаговременно познакомиться с основными подходами и результатами поиска, что автореферат отражает основные положения диссертации полностью и без искажений.

Итожим: по всем аттестационным показателям (актуальность темы, самостоятельность исследования, достаточная новизна темы и результатов работы над ней, состоятельность избранной методики анализа, уверенно прогнозируемые научное и практическое значения полученных результатов, убедительная апробация взглядов соискателя в профессиональной среде криминалистов до защиты диссертации) рецензируемый труд имеет право на признание и поддержку в профессиональном сообществе криминалистов. Это обстоятельство, а также продемонстрированное автором умение видеть проблемы, двигаться к их разрешению и формулировать выводное знание сообщают нам решимость рекомендовать Диссертационному совету Д 24.2.320.07 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» присудить АСЛАНЯНУ Руслану Георгиевичу за труд **«Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права»** учёную степень доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент – БОЙКО Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54
Телефон: 8 (863) 203-63-39, E-mail: upd@uriu.ranepa.ru
Южно-Российский институт управления-филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ» (ЮРИУ РАНХиГС)
(специальность 12.00.08)

1 июня 2023 года

Подпись	<i>Боико А.И.</i>
Заверю	<i>Л.В. Демидова</i>
подпись	Ф.И.О. работника
	Ф.И.О.
Начальник отдела кадров Южно-Российского института управления - филиала РАНХиГС	

С отзывом ознакомлен А.Г. Аспанди Р.Г. 08.06.2023г.